

УЧЕНИЦА ЧАЛОВА

Новая жизнь Милы

Елена Чалова

Новая жизнь Милы

«Центрполиграф»

2013

Чалова Е. Э.

Новая жизнь Милы / Е. Э. Чалова — «Центрполиграф», 2013

Счастливая обеспеченная жизнь домохозяйки Милы неожиданно кончилась – муж-бизнесмен ушел к молодой женщине. В последние годы Мила занималась только тем, что создавала уют в доме и всячески опекала любимого мужа. Теперь же роль хранительницы очага предназначалась другой, а Милочка должна была устраиваться в жизни самостоятельно. Изрядно помыкавшись, она по совету подруги устроилась администратором в платный медкабинет, и неожиданно для нее самой (и для ее бывшего мужа) у нее родилась идея создания частного медицинского центра...

© Чалова Е. Э., 2013

© Центрполиграф, 2013

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	20
Глава 5	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Елена Чалова

Новая жизнь Милы

Глава 1

Мила, Мила, Милочка, милая моя, что же с тобой случилось? Она спрашивала об этом женщину в зеркале. Серенькую, как мышка. С невыразительными чертами лица; когда-то со светло-русыми локонами, а сейчас и не поймешь какого цвета прядками, прилипшими ко лбу. И вдруг подумала: как давно никто не окликал ее «Девушка!». Знаете, случается в транспорте, или на рынке, или в магазине нечаянная радость, когда вдруг особу, которая «уж не помню, сколько лет замужем», окликнут не «женщина» или «мадам», а именно так – «девушка». И не важно, по какой причине: то ли сдачу забыла, то ли хотят спросить, как пройти. Не важно. Просто сам факт, само слово, при всей его безличности, как-то грело душу. Вдруг появлялось ощущение, что жизнь еще не кончена и что-то обещано там, впереди. Мила опять заплакала. Слезы, ненужные, не приносившие облегчения, текли и текли. Мысль о том, что жизнь ей уже ничего не обещает и что все уже, наверное, позади, не прибавила оптимизма. Она плеснула в лицо холодной водой, вновь посмотрела на свое отражение в зеркале над раковиной. Господи, на кого похожа: глаза красные, нос распух. Ну да теперь все равно – кому смотреть-то.

Мила пошла в комнату, забралась с ногами на свой любимый диванчик – то ли кресло, то ли диван – нелепый, но очень уютный предмет. Машинально поправила лампу на резном деревянном столике. Надо бы пыль протереть и пропылесосить. К черту!

Обвела взглядом комнату: знакомый интерьер плыл в затуманенных слезами глазах. В целом везде порядок, так что обойдется. Вообще-то обычно она наводила чистоту с удовольствием. Дизайн она создавала сама, не торопясь, и теперь неизменно получала удовольствие, обихаживая свой дом. Мягкая мебель – натуральное дерево плюс французские драпировки, темно-вишневые, теплого тона. Комод с резными ножками – под старину, но очень стильный. Такой же буфет и низкий стол со стеклом бронзового цвета. Последнее время Милочка увлеклась растениями: сейчас это модно – иметь дома хоть небольшой, но садик. Сначала она купила роскошную пальму. Но дитя тропиков не желало расти и начало предательски желтеть. Милочка побежала за консультацией в садовый центр, но там только пожали плечами: ухаживаете неправильно. Наверное, мало поливаете. Много? Значит, слишком много. Может, она у вас мерзнет на сквозняке... Нет? Значит, пальме слишком жарко! Тогда она купила бессмертное творение доктора Хессайона¹ и выяснила, что ее пальма – банан и любит жить в теплой, влажной среде, а не в пересушенном воздухе у батареи. Потом Мила проштудировала еще несколько книг, и дело пошло на лад. Банан она, правда, выселила: отвезла к знакомым на дачу. Там он сначала бурно пошел в рост, обрадовавшись жаркому лету, но первый же сентябрьский холод сгубил нежное растение. Теперь у Милочки рос шикарный фикус, даже два: один с широкими листьями, а второй больше похожий на березку – тонкий ствол изящно подымался из терракотового горшка и завершался массой нежно-зеленых удлинённых листочков, элегантно-небрежная и слегка растрепанная кипа которых была создана огромным трудом фитостилиста.

Еще имелась монстера, напоминавшая хозяйке своими гладкими линиями, выпуклостью форм и абсурдными отверстиями работы Сальвадора Дали. Честно сказать, Дали она не любила. Внутри Милы сидел здоровый прагматик, который не собирался восхищаться творениями человека, чье место было не в мастерской художника, а в каком-нибудь уютном сума-

¹ Хессайон Д.Г. – автор книг по садоводству.

спешившем доме. На матовой поверхности стола великолепно смотрелся садик в бокале. Бокал размерами приближался к аквариуму, но тем забавнее выглядели его стеклянная ножка и пестро-зеленое содержимое. Интерьер дополняли парные бронзовые настольные лампы, шелковые обои, наборный паркет и несколько неплохих картин (с профессионально сделанной подсветкой). Короче, парадная гостиная не бедных людей. Угол напротив любимого диванчика был занят широким экраном суперсовременного телевизора. Может, его гладкая матовая поверхность и вносила некий диссонанс в стиль интерьера, но качество изображения и неизменное восхищение гостей вполне компенсировали этот недостаток. Мила беспокойно заерзала от вновь набежавших грустных мыслей. Теперь гостей не будет. Наташка только. Или брат с женой. А так пусто. При мысли о том, что теперь она будет ложиться спать одна, вставать – одна и некого ждать с работы, ей стало дурно. Вскочив с дивана, Мила заметалась по квартире. Зажгла зачем-то свет в холле, включила телевизор. Пошла в кухню, открыла холодильник. Потянулась было за йогуртом, но увидела начатую бутылку вина...

Вчера Сева привозил на ужин какого-то мужика – очередной деловой партнер. Себе они привезли коньяк, а ей французское божоле. Кисловатое, но холодненькое, в самый раз. Налила бокал, выпила почти залпом. Подумав, взяла с собой бутылку и бокал и вернулась к телевизору. Теперь она пила не торопясь, тупо глядя на сверкающий красками жизни (вернее, рекламы) экран. Слезы капали в вино. «Я как мадам Грицацуева», – подумала Милочка, вспоминая известную сцену из «12 стульев». Такая же толстая, старая и никому не нужная. Может, со стороны это и смешно. А мне нет. Мадам Грицацовой тоже, должно быть, было не смешно. Жалость к полузабытому, но такому понятному литературно-кинематографическому персонажу вызвала новую волну слез, и женщина захлюпала носом.

Вчера, еще вчера все было как обычно: Сева позвонил с работы:

– Милочка я через часок подъеду с коллегой. Ты нас покормишь?

– Конечно, – мысль жены моментально погрузилась в недра холодильника, – я сделаю индюшачьи рулетики с сыром – помнишь, как на твой день рождения, а на закуску...

– Да-да. Мы скоро будем. Что-нибудь купить?

– Купи свежего хлебушка...

Когда мужчины пришли, стол был уже сервирован, а по квартире распространялся аппетитнейший запах. Несмотря на повальное увлечение восточной кухней, Мила придерживалась традиционной кулинарной ориентации, а потому на столе не наблюдалось никаких палочек и квадратных тарелочек с суши – только добротный богемский хрусталь, баварский фарфор и отечественное столовое серебро.

Дежурный обед состоял из бульона с гренками – Севе обязательно нужен суп, нежнейшего рыбного заливного из парного судачка и тех самых индюшачьих рулетиков с сыром. Ну и салат, конечно. И немного опят собственного засола. Мила потчевала гостя, принимала заслуженные похвалы, потом подала кофе в кабинет и ушла, чтобы не мешать деловым разговорам. Мужчины сидели долго, накурили, исписали кучу бумаги и допили коньяк. На прощание гость, припав к ручке, вновь рассыпался в комплиментах: «Такой уютный дом... Вы идеальная хозяйка»... Милочка была рада – уйдя с работы, все время она посвятила именно дому и мужу. Правда, Сева был неразговорчив – ну да он часто такой в последнее время. Устает на работе, ведь не мальчик уже, с сочувствием думала Милочка, выставляя на стол коробочку витаминов. Мысль о витаминах пришла ей в голову недавно. Вообще-то она была в этом плане не очень продвинутым человеком. Вернее, даже отсталым. Таблетки вызывали у Милочки страх и совершенно патологическое неприятие. Для человека, имеющего медицинское образование, это странно, тем не менее она всячески старалась избегать соприкосновения с классической фармакологией. В конце концов, на ее практике народная мудрость – если насморк лечишь, он проходит за семь дней, а если нет – за неделю – почти всегда оправдывалась. И стратегия

борьбы с респираторными заболеваниями была отработана – горячие ванночки для ног, колючие носки, чай с медом и малиной, травяные отвары. Когда наваливалась сумрачная и сопливая осень, Милочка заваривала шиповник, ела лимоны со шкуркой и по мере возможности пичкала всем этим витаминным богатством Севу. Тот вяло жевал орешки и пил настои, но не сопротивлялся – жене виднее. Однако как-то внезапно муж начал худеть, а его рабочий график существенно уплотнился. Придя домой, он все чаще жаловался на головную боль, усталость и разбитость и, едва притронувшись к ужину, уползал к себе в кабинет.

Обеспокоенная жена решила, что шиповника и клюквы, должно быть, недостаточно, и отправилась в аптеку. Она долго перебирала разнокалиберные баночки, внимательно изучая состав и рекомендации. В конце концов спросила фармацевта, что лучше:

– Цена значения не имеет, главное, чтобы толк был.

Та посоветовала какой-то новый немецкий препарат, как раз для мужчин среднего возраста, которые очень много работают. Все это Милочка рассказывала мужу уже после ухода гостя – принесла в кабинет стакан воды и капсулу с витаминами. Сева пробурчал что-то о рекламе, но витамины послушно проглотил, потом сказал, что безумно устал, и ушел спать, а Милочка еще долго смотрела телевизор. Утром она встала пораньше, погладила ему рубашку, приготовила завтрак. А муж вдруг вышел из спальни с чемоданом и плотно набитой спортивной сумкой.

– Ты что? – Изумлению Милы не было границ. – Ты куда-то едешь? Что ж ты не сказал? Ох, вещи, наверное, все кое-как запихал...

– Подожди. – Сева поставил чемодан и сумку на пол, взял жену за плечи и подвел к креслу. – Сядь.

Мила послушно опустилась в кресло, с тревогой и недоумением всматриваясь в какое-то непривычно растерянное лицо мужа.

Он набрал воздуха в грудь, как перед прыжком в холодную воду, и быстро сказал:

– Милочка, я ухожу.

– Куда? – механически спросила Мила, занятая в основном мыслями о новом пиджаке, который мог погибнуть безвозвратно, если Сева его не сложил, а, скорее всего, он и не подумал...

– Куда-куда... – Севе было мучительно неловко, а оттого досадно. Он стоял, не зная, куда деть руки, как не смотреть в лицо жене и как, собственно, выговорить то, что должно быть сказано. Глубоко вздохнув еще разок, он попробовал начать сначала: – Послушай, Милочка, я тебя очень люблю, но... (господи, что я говорю?), но я ухожу. Понимаешь, мы будем жить отдельно. Квартира, само собой, остается тебе. Деньги в вазочке. Я тебе позвоню, и мы все обсудим... Да, и заеду попозже за кое-какими вещами...

Договаривал он, продвигаясь к двери. Прочь, прочь отсюда, на воздух. Не видеть этих непонимающих глаз, не слышать, как она зовет: «Сева! Ты что? Подожди!» Щелкнул замок. Скорее к лифту. Он нерешительно бросил взгляд вниз по лестнице – пешком? С чемоданом и сумкой? И не побежал. Ждал лифта, нервно поглядывая на дверь. А вдруг она выйдет и будет плакать? Скорее, скорее – сегодня эта чертова кабина тащится медленнее, чем всегда... Ну, наконец-то! Дрожащей рукой Сева нажал кнопку первого этажа и, когда двери сомкнулись и лифт скользнул вниз, глубоко вздохнул несколько раз, пытаясь успокоиться. Кто сказал, что уходить легко? Ничего себе легко!

Кабина шла вниз, и так же вниз продолжало падать Севино сердце. Или это был желудок? Не важно, но ощущение было поганое: он все время ждал крика, опасался, что Мила бросится вслед, устроит истерику... Бог знает что еще может прийти ей в голову. Конечно, он жалел жену. Они жили, по большей части, дружно, и характер у нее золотой – все так говорят. И готовит она замечательно, но... В какой-то момент Севе показалось, что он снова живет с

мамой. Некоторое время его это устраивало: дома ешь, спишь, получаешь чистые носки, а развлекаться ходишь к друзьям. Но долго так продолжаться не могло. Севе стало скучно. В клубах и барах он принялся пристально разглядывать женщин. Пару раз даже ущипнул за попку секретаршу коллеги, но та была уже ангажирована. Само собой, как только появился спрос, на горизонте нарисовалось предложение. По девкам Сева был не ходок, и потому первая же смазливая мордашка, проявившая хватку, сумела привязать его к себе. Она была молода, хороша собой, требовательна и нахальна. Иногда Сева не очень понимал, о чем она говорит – все эти модные словечки... Но скука отступила, и он вдруг понял, что это другая жизнь.

Вокруг замелькали яркие, похожие на бабочек женщины – подружки его пассии. Она восхитительно пахла, шикарно выглядела и вызывала восхищенные взгляды окружающих, теща немалое Севино самолюбие. Они ездили «на природу» – в дорогой загородный ресторан, и девушка тронула его искренним восторгом, с каким она приветствовала каждую выловленную из мелкой речки рыбку. Ресторан заслуживал отдельных похвал. Целый фешенебельный комплекс раскинулся на берегу одной из подмосковных речек. Здесь имелось все, чтобы проводить время с любовницей и не вызывать подозрений у жены: статус места, где проводятся конференции и деловые встречи, таунхаусы, которые можно было купить или снять на любой срок от двух часов, собственно ресторан с двумя залами и замечательный берег реки, уставленный столиками. Мимо столиков, заключенных в премилые беседочки, вился ручеек. Желаящим выдавались удочки и прочая белиберда, и они могли собственноручно наловить себе рыбы на ужин.

От столиков к берегу реки полого спускалась поросшая травой поляна. Тут были деревянные настольные игры, огромные уютные гамаки с пушистыми пледами и резные качели. Сева своими глазами видел, как на них самозабвенно раскачивался здоровый мужик лет сорока. Вполне преуспевающий, деловой: итальянский пиджак, ботинки из пятнистой кожи какого-то невезучего пресмыкающегося, пивной живот и голда на шее в палец толщиной. Устав от трудов рыболова, Сева устроился в гамаке под пушистым пледом и смотрел, как его подруга бродит по берегу реки, собирая цветочки. Какая хорошенькая! И так ей все идет... Этому обстоятельству он радовался вполне заслуженно, вспоминая сумму, выданную недавно на приобретение гардероба. Вечером они пойдут погонять шары в кегельбан. Чудесное место – вроде как спортом занимаешься, но при этом можно и пивка попить. Сева заворочался – обед оказался тяжело-ват. Надо бы дойти до номера и выпить какое-нибудь средство. Жена, как обычно, уложила все в отдельный пакет с подробными инструкциями. Ох, жена... Сева опять заворочался – на этот раз от тревожных мыслей. Ну почему мы не мусульмане, с тоской подумал он вдруг. Куда смотрел тот князь, что крестил Русь? У самого небось целый гарем был, а тут никакой жизни. Было бы разрешено многоженство – никаких проблем! Милочка – старшая жена – на хозяйстве и у плиты. Она разумна и неконфликтна совершенно, они бы с молодой ладили. А младшенькая была бы для удовольствия. А потом, глядишь, и детишек родила бы. А теперь вот он окажется меж двух огней. Его девочка все сильнее требовала внимания, и ей так хотелось создать настоящую семью... И, зажмурившись от страха, Сева решился и сделал шаг в эту новую реальность, оставляя позади тишину уютного дома, вкусные обеды, глаженные рубашки – и первую жену.

Сева подошел к машине, любовно провел рукой по темно-бордовому крылу. Поставил сумки в кабину. В конце концов, почему бы и нет? Больше половины его приятелей обзавелись новыми, как Джон выразился, «свежими» – женами. И никого не мучают угрызения совести. Так что он не такой уж подлец. Да и ответственность не особо тянет – детей у них нет, квартиру он ей оставил – а квартира очень даже. И сцен сумел избежать... Можно сказать, расстались, как интеллигентные люди... Правда, впереди развод, ну да вряд ли Милочка захочет портить ему жизнь. Опять же, зачем торопиться? Можно и так пока пожить – пусть все утрясется. Сева увернулся от обшарпанной «Волги», пробормотал сквозь зубы «не проснулся с утра, козел» и

подумал, что надо завести шофера – движение в Москве становится все более интенсивным и утром езда превращается в настоящее наказание. Да и вечером гораздо удобнее – и выпить можно, не опасаясь родной милиции...

Ну вот, сейчас надо забросить сумки на квартиру... Он купил квадратные метры давно, еще на стадии закладки фундамента. И жена о них знала. Они даже некоторое время подумывали – не переехать ли, но потом поняли, что незачем, и квартиру решено было оставить как средство вложения капитала. Учитывая рост цен на недвижимость – очень неплохое вложение. И вот поди ж ты – пригодились квартир-то. До сегодняшнего дня Сева как-то не осмеливался назвать свое второе жилье «домом» и, как правило, даже в мыслях адресовался «та, другая квартира». Но теперь это и будет его дом. Место вполне приличное – Хорошевка сейчас котируется почти как Юго-Запад. Все новенькое... На его вкус многовато стекла и прямых углов, ну да ладно... Значит, завезти вещи, а потом на работу. Может, его девулечка захочет, чтобы он ее куда-нибудь подвез... хотя вряд ли, она так рано не встает. Наверное, еще нежится, тепленькая, в постели... Сева улыбался. Пожалуй, он может себе позволить и опоздать на работу – в конце концов, сам себе начальник.

Глава 2

Вообще-то он зря опасался быть настигнутым на пороге плачущей женой. У Милы вдруг не стало сил подняться. Ноги сделались ватными, а руки холодными и мокрыми. Но слез еще не было. И жалости к себе тоже – Милочка переживала за Севу. Бедный мой, бедный, как он себя неловко чувствовал – ведь муж всегда терпеть не мог выяснять отношения... А теперь вот пришлось говорить такое. Ушел... Как же он будет? У него желудок такой капризный: чуть что – гастрит. Ох, наверняка лекарства забыл. Привычные мысли и беспокойство о муже вернули силы. Она быстренько поднялась и пошла посмотреть, что он взял, а что забыл.

В спальне еще царил полумрак; тяжелые вишневые портьеры плотно задернуты. Милочка машинально зажгла свет и оглядела комнату. Спальня у них была солидная – резная испанская, темного дерева мебель богато смотрелась на фоне светлых, почти белых обоев, пол покрывал винного цвета ковер, в тон гардинам, на стенах несколько акварелей с «испанскими» мотивами: в основном пышнотелые красотики и тореадоры. Акварели Милочке не нравились, но это был подарок друзей на новоселье, и принадлежали они кисти довольно известного художника, так что Сева велел картины повесить и постепенно Милочка свыклась с ними... Кровать была одна, но одеял два – так удобней и практичней. В голове женщины мелькнула мысль, что чуть ли не весь последний год муж спал в своем кабинете – там стоял широкий диван, и Сева то работал допоздна, то смотрел футбол и не хотел ей мешать...

Видно было, что муж собирался сам и очень спешил: гардероб распахнут, ящики комода выдвинуты, часть вещей валялась на незастеленной кровати и на полу. Машинально она подняла свитер и принялась наводить порядок.

Вещи Севы, которые она собирала по квартире, аккуратными стопочками раскладывались на кровати. Сколько раз Милочка укладывала чемоданы мужа перед командировками и деловыми поездками. Но ведь сейчас совсем другое. Это не командировка, муж ушел... А собственно, куда? Или к кому? Да какая разница, если ушел, значит, есть куда... Только вот будет ли она (та, к которой Сева ушел) смотреть за ним как следует? Это ведь так не просто – желудок у него такой чувствительный, а овощи он совсем не любит. А если долго не есть овощей, то случается запор, и тогда... Господи, что лезет ей в голову? Теперь мужнины запоры не ее проблема. Но если благополучие близкого человека долгое время составляло весь смысл твоей жизни, то переключиться на что-то другое вот так сразу просто невозможно.

Милочка никак не могла придать своим мыслям нужное направление. То она принималась думать об ушедшем муже в прошедшем времени, и получалось вроде как о покойнике, то начинала перекладывать вещи – это не понадобится раньше весны, а его любимый кашемировый свитер еще не высох после стирки, – и получалось вроде как он в командировке и еще вернется... А вдруг он вернется, может, ему там не понравится? Но что-то подсказывало ей: понравится ему там или нет – назад Сева не вернется. Она была прочитанной страницей в книге его жизни (откуда вдруг всплыло такое литературное сравнение?). И тут полились слезы... И Милочка думала уже не о Севе, а о себе – бедной, несчастной, отдавшей ему свои лучшие годы, и вот теперь одна, одна!

Незаметно для себя она допила вино и уснула, сжавшись в комочек на диванчике перед тихо мурлыкающим телевизором.

А на следующее утро проснулась с тяжелой головой и полным осознанием происшедшего. Сева, ее муж, смысл ее жизни, ушел к другой женщине. Как ни парадоксально, Милочка не испытывала ненависти к той, «другой». Даже не пыталась представить себе, блондинка она или нет, молодая или ровесница. Ах, это не так важно. Мучило чувство утраты и то, что вот так, в одночасье, ровное течение ее жизни было непоправимо нарушено.

А ведь только вчера она ощущала себя вполне счастливой. Оглядываясь назад, Милочка считала, что жизнь удалась. То есть все, что могло произойти, уже было, и никаких радикальных перемен не предвидится. И это хорошо – кому они нужны, радикальные перемены, одни только нервы... А так – все налажено, и можно точно сказать, что будет завтра, а еще записаться в парикмахерскую за две недели и заказать билеты в театр загодя. Деньги давно перестали быть проблемой, тем более что вкусы и у нее самой, и у Севы умеренные и никаких экстравагантных трат они не делали. Мила с тихой радостью предвкушала множество счастливых дней: они могли бы путешествовать вдвоем, надо построить дачу, как у людей, – это тоже заняло бы много времени и было так по-своему увлекательно!

Эта идея пришла Милочке в голову не так давно. Ей вдруг очень захотелось загородный дом. Небольшой и уютный, с просторной верандой... обязательно деревянный... светлый. И сад, и выложенные камнем дорожки, и клумбы с цветами. Вечерами она рассматривала журналы, посвященные садоводству и ландшафтному дизайну. Как-то прошлой осенью спросила мужа, не будет ли он против. Сева предложил заняться дачным вопросом весной. Это было вполне логично, и Милочка продолжала ходить на выставки, читать и рассматривать картинки, предвкушая и выбирая...

И вот теперь не будет загородного дома. И круиза, в который она собиралась – знакомые недавно ездили и очень хвалили. Совершенно необременительный отдых, а питание выше всяких похвал. Нет-нет, не видать ей теперь белого парохода, ибо куда же она одна, без мужа? Это немыслимо и невозможно... и ведь ничто не предвещало такого несчастья. Милочка всхлинула. Они не ссорились, не выясняли отношений...

Все шло своим чередом – до вчерашнего дня. А теперь в ее жизни воцарился хаос, ибо не стало центра. Смыслом жизни и центром вселенной для Милочки всегда был Сева.

Познакомились они еще во времена студенческой молодости. Сева – веселый раздолбай из глубинки, душа компании, учился в МИИТе. Людмила, коренная москвичка и симпатичная блондинка с женственными формами, – в медицинском. Она не блистала способностями, но очень старалась, и учеба шла ровно. На курсе ее все любили – и списать даст, и бутербродом поделится. Людмила умела создавать уют даже в холодных общажных комнатах. И вскоре официальное Людмила сменилось Милой, а чаще Милочкой. Они поженились на последнем курсе, и, поскольку брат уже был женат, Миле пришлось переехать в общежитие к мужу. Потом они снимали квартиры и комнаты. Иногда удачно, иногда – нет. Один раз их всех чуть не забрали в милицию – Генкины приятели из рок-группы устроили концерт на балконе, и кто-то из соседей вызвал наряд. Сева тогда выступал в роли миротворца и конечно же сумел обо всем договориться. Как женившемуся на москвичке, Севе вместо родного Урала досталось распределение в один из московских НИИ. Работа там была не очень интересная, но тут подоспели перемены, и Сева с головой окунулся в бизнес. С приятелем Генкой он создал фирму по продаже запасных частей к иномаркам. У приятеля были связи за границей, у Севы – в родном НИИ, где они арендовали офис и склад. А Мила пошла на курсы бухгалтеров и скоро стала в их фирме и главбухом, и кассиром, и секретарем, и юристом. Крутиться приходилось – дай боже, но они работали день и ночь, и дела пошли.

Первые запчасти были родом с немецких помоек (в то время неизбалованная столица была рада и таким). Несколько молодых ребят разбирали машины на автокладбище и отправляли детали в Россию. Как ни парадоксально с нашей, российской точки зрения, но автокладбище в Германии – предприятие частное и имеет вполне конкретного хозяина. В данном случае это был толстенький невысокий немец. Вязаная безрукавка и венчик седых волос вокруг лысины. Расплачивались с ним черной икрой и почему-то водкой. Он несколько раз просил привезти ящик «Столичной». Черт знает куда он ее девал – никто не видел его не только пьяным, но и навеселе. Ну да нам-то что за дело, пусть хоть машину ею моет, думал Сева, загружая

очередной ящик в тамбур поезда. Сначала запчасти возили машинами, но получалось дорого – бензин, таможня, там дай, на посту дай. Тогда договорились с проводниками пассажирских поездов. Проблема решалась с помощью натурального обмена – той же водки и халявного для проводников ремонта машин. Коробками с запчастями забивались тамбуры и купе проводника. По приезде в Россию товар перегружался в разбитый рафик и перевозился в Генкину мастерскую. Там железки отмывали и продавали через Севин магазин. Потом рядом с магазином партнеры открыли автосервис.

Там вкалывал Генка, который говорить не шибко умел, галстук не носил никогда и кроме как футболом и машинами ничем не интересовался. Хотя нет, вначале была у него еще одна страсть – Генка был рок-музыкантом. Он играл в группе таких же раздолбаев, носил кожаные штаны, куртку с железками и длинные волосы, перетянутые резиночкой в конский хвост. Аппаратура и инструменты, по большей части подержанные, были все же вывезены из Германии, что и позволяло добиться вполне приличного звучания. Группа называлась «Автодром» и играла некий русский рок, а по просьбе зрителей – репертуар Макаревича, Гребенщикова, «Коррозии металла» и «ДДТ». Гастролировали ребята по регионам, играя в основном в сборных концертах или «на разогреве». Иногда их приглашали в какой-нибудь московский клуб – в смысле в здание заводского Дома культуры, где проходили очередной полуподпольный концерт и тусовки. Постепенно тусовок становилось все больше, а концертов все меньше. Они так и не собрались записать диск. То денег не было, то кто-нибудь из состава группы временно уходил «налево» – подработать, или в запой, или еще куда-нибудь. Джон-барабанщик, который и познакомил Генку с Севой, подался в Индию автостопом – искать смысл жизни. Солист сел на иглу. Генка колоться не мог – что-то в глубине его души восставало против «дури», но зато против водки его душа ничего не имела – и он начал пить. Сева, которому надоело посреди ночи вскакивать от телефонных звонков, мчаться в милицию вызывать приятеля или разыскивать его по вытрезвителям, когда нужен был срочный ремонт, однажды не выдержал. Он отвез пьяного Генку на дачу к знакомым, в пустующий домик в глухом месте, запер в бане, оставив только ведро воды, и уехал. Через три дня он вернулся. Генка был трезв, зол и напуган. Кратко и доходчиво Сева объяснил другу, что ситуация в государстве – как бы это помягче... – нестабильна. И если они не будут крутиться и зарабатывать сейчас, то их место займут другие. Поэтому Генке предлагалось передать ему, Севе, долю в предприятии за вполне приличные деньги. Написать расписку в получении – и пить дальше. Или продолжать работать, но тогда – Сева достал из дипломата другую пачку бумаг – он подписывает эти документы. Признает себя должным Севе крупную сумму денег. В случае очередного запоя его доля в фирме автоматически переходит к партнеру в счет уплаты долга. Возможно, в документах не были соблюдены все юридические тонкости, но Генка не был юристом. Зато он не был и дураком. Он посмотрел на дорогой кожаный портфель партнера, яркий пиджак и галстук. Потом перевел взгляд на лицо. И в первый раз заметил, какие тонкие у Севы губы. Генка понял, что этот человек не захочет из-за него, Генки, терять деньги. А по нынешним временам все могло случиться – мог ведь приятель и забыть его в этой баньке – кто знал, что они тут? Зима, ори не ори – народу вокруг никого. Ну, найдут по весне, решат – допился. Мужик почувствовал, что ему страшно – так близко вдруг оказался конец, а он почему-то трезвый и все-все понимает. Помирать трезвым было очень-очень страшно. Дрожащей рукой он подписал долговые расписки, и Сева, буркнув «ну и молоток», отвез его домой. С тех пор Генка перешел на пиво, а гитару повесил на стену.

Руки у него были золотые, и предприятие процветало и расширялось. Вся «теория», то есть связи, закупки, раскрутка дела и т. д., легла на Севу.

А потом Севу осенило. Руководство НИИ часто ездило в Германию на всякие там научные симпозиумы. Это реальная возможность попасть за границу в компании солидных людей. Надо ехать и на месте искать контакты с нормальными фирмами – на помоешных железках далеко не уедешь. Всю ночь они просидели, составляя план. Теперь это называли бы бизнес-про-

ектом, но тогда ни Сева, ни Мила, ни тем более Генка-автослесарь такими словами бросаться не умели. План и план. Два листа машинописного текста. (Могло бы уместиться и на одном, но для солидности...) И утром Сева направился к замдиректора, с которым имел дело при аренде помещений и не раз пил в полуподпольной сауне. План был прост. ИЧП свое отработало. Ну кто они с Генкой такие? Сегодня ИЧП, а завтра случись в России какое-нибудь ЧП – и нет их. Другое дело солидная компания, в которой соучредителем был бы родной НИИ – госпредприятие, льготы, счет в приличном банке, имя, наличие недвижимости... Такой фирме самая солидная немецкая компания не побоится доверить свои самые лучшие запчасти.

Зам выслушал, потребовал себе процент, и после некоторой торговли они ударили по рукам. Сева был включен в состав следующей делегации – ну не за свой же счет ехать. План сработал. Западная Европа тащила от России, устроившей очередную революцию. Европейские фирмы спешили застолбить российские рынки. НИИ выглядел более чем солидно – здание в полквартала, склады, а аренда – копейки. Вскоре одно крыло здания было перестроено и отремонтировано, и его украсила вывеска с логотипами нескольких известных западногерманских фирм. И дело пошло. Пошли деньги. ИЧП из трех человек превратилось в серьезную коммерческую структуру. Они набрали штат специалистов и административных работников – бухгалтера, секретаря и т. д.

Появился настоящий офис – с компьютерами, факсами и еще бог знает чем. Немецкие партнеры контролировали процесс жестко – на фирме постоянно присутствовало несколько человек «оттуда», которые непрерывно что-то проверяли.

Сначала предполагалось, что Милочка займет какую-нибудь административную должность – менеджера по маркетингу, например. Но западногерманские партнеры дали понять, что за не очень понятным названием должны скрываться знание рынка, умение планировать закупки и продажи, руководить отделом специалистов. Милочка подобными данными не обладала и некоторое время подумывала согласиться на должность менеджера по персоналу. Но, увидев гору папок с личными делами, вдруг поняла, что устала. Ей смертельно не хотелось заново въезжать в какие-то проблемы, читать и перебирать кучу бумаг разной степени важности. К тому же именно в этот момент Сева попал в больницу. Возросшее напряжение и ускорившийся ритм деловой жизни вызвали боли в желудке. Сначала он просто мучился и старался поменьше есть, но Милочка, видя, что муж ночами не спит, потащила его на обследование. Думали, язва, но Бог миловал, оказалось обострение гастрита, холецистит – в общем, тоже не подарок. Севе нужен был уход, правильное питание. И Милочка превратилась в «мамку и няньку». Утром она варила мужу кашу, к обеду привозила в офис протертый супчик, а на ужин старалась изобрести что-нибудь диетическое, но вкусное. Кроме того, они купили очень приличную трешку на Соколе, и Мила с удовольствием обставляла и обживала квартиру. Она пополнела, стала меньше следить за модой и почти не употребляла косметику. Хотя на официальных мероприятиях старалась соответствовать: драгоценности, платье или костюм от известного модельера, прическа и маникюр только что из салона.

Теперь, когда пришло материальное благополучие, было бы естественно завести детей, на что не очень тактично порой намекали знакомые. Но, будучи медиком по образованию, Милочка знала, что детей у нее быть не может. Сначала она плакала, а потом как-то успокоилась – не дал Бог, что же делать. И нерастраченную материнскую любовь она делила между Севой и племянниками.

Брат Николай старше Милы на два года. Растила их мама, которая умерла, когда Мила поступила в институт. Казалось бы, при двух женщинах Николай должен стать главой семьи – но нет: он рос мальчиком тихим, учился средне и большую часть времени проводил за книжками. Мама звала его мечтателем – он мог часами сидеть, глядя в одну точку, и размышлять о чем-то своем. Милочке втайне хотелось, чтобы брат был побойчее – подружки иногда хва-

стались похождениями своих братцев. Да и фраза типа «Вот мой брат тебе покажет» не шла у нее с языка, так как Коля – Мила почему-то была в этом уверена – никогда никому ничего показывать не будет и в драку ради нее не полезет. Зато мама была спокойна – Николай не пил, не курил, по улицам не шлялся, от армии у него было освобождение по причине плоскостопия. Сразу после школы он поступил в институт, на последнем курсе женился – Галя уже ждала ребенка.

Теперь племянников было уже двое, и Мила баловала их как могла. Золовку она недолюбливала – сквозь неизменную любезность и ласковый говорок Галины сквозила зависть. По-человечески это было даже понятно: брат в своем министерстве получал весьма средне, и позволить себе что-то просто для удовольствия они могли не часто. Хотя и не бедствовали – Галина тоже работала. Когда компания набирала персонал, Милочка хотела пристроить брата на какую-нибудь должность. Она позвонила золовке. Та обрадовалась и пообещала провести с мужем «воспитательную работу». Но случился скандал, и все Милочкины благие намерения и надежды Галины рухнули.

Отношения брата с Севой всегда были довольно прохладные – сначала Николаше не нравился лимитчик, женившийся на сестре, потом он с недоверием отнесся к коммерческим способностям родственника. Но в последнее время брат был сдержан, вежлив и, явно под влиянием жены, всячески выказывал Севе свое расположение. Милочка устроила «семейный ужин», на котором и должна была возникнуть тема совместной работы. Они с Галиной предварительно все обсудили, и та долго натаскивала мужа. Но Галина прийти не смогла – у одного из мальчишек подскочила температура. И Николай, лишенный сдерживающего фактора – бдительной жены, после пары рюмок вдруг пошел вразнос – стал требовать 50 процентов акций и контроль за распределением прибылей.

– Николаша, опомнись, какие акции! – Мила смеялась. Такое просто нельзя было воспринимать серьезно.

– А ты не лезь, я для тебя же стараюсь... Горбатишься на своего муженька, а что тебе-то принадлежит? Он тебя эксплуатирует...

Милочка быстро перевела разговор на политику. Мужики это обожают и часами могут обсуждать Думу, выборы, мэрию. Сама она политикой не интересовалась совершенно. Конечно, Мила знала, что это тоже бизнес и занимаются им люди серьезные и далеко не бедные. Но где-то в подсознании сидела мысль, что все это не совсем взаправду. Своего рода лохотрон – деньги собирают со всех, а выигрывают несколько человек, которых и по телику-то не показывают. А те, кто болтает, – это так, балаганчик. Только очень дорогостоящий. Выборы! Внеочередные! Какой смысл менять шило на мыло? Почему не построить больницу? Памятник жертвам репрессий? Им, жертвам, он не нужен. Почему не купить стерилизаторы в районные поликлиники? А то во всем мире борются со СПИДом и гепатитом, а у них в районке стоматолог бор меняет после третьего пациента.

Еще более загадочным казался тот факт, что люди, совершенно к политике не причастные, способны с пеной у рта о ней спорить. Тем не менее уловка подействовала, и некоторое время все хором ругали правительство.

Потом брат вдруг стал рассказывать, что сделают коммунисты с капиталистами – такими как Сева, – когда вернутся к власти:

– А они вернутся! Русский народ без кнута не может. Демократия эта – фигня. Все разворуют, и опять коммунисты придут: делить ворованное на всех...

Мила даже внимания особого на этот бред не обратила: ну выпил лишнего, жены рядом нет, под локоть никто не толкает – вот и разошелся. Но Сева, оказывается, все слушал внимательно и на следующее утро твердо сказал Милочке, что Николаша с ними работать не будет. Никогда. Мила растерялась. Она никак не могла понять, что так задело мужа.

– Сева, да ты что? Ну выпил Николай, его всегда несет после третьей рюмки. Помнишь, у нас на свадьбе, что он учудил... Галя уже звонила, извинялась за него...

– Ах, Галя звонила! Эта не только позвонит, но и прибежит, лишь бы ты не перестала таскать им барахло сумками. Ты же в гости к брату каждый раз едешь, как Дед Мороз, с мешком. Только не раз в год, а каждый месяц.

– Ладно тебе, мы неплохо зарабатываем, а на мальчишек знаешь сколько всего надо...

Но переубедить мужа она не смогла.

– Твой брат – оголтелый коммунист, – возмущался Сева. – Не дай бог завтра переворот; он лично меня повесит на первом же фонарном столбе... Ишь ты, контроль за распределением прибылей, акции ему! А с какой стати? Что он вложил? Вон Генка, когда начинали, мотоцикл любимый продал... А этот – «прибыли распределяются в равных долях»! Пусть заработает свою прибыль, а потом распределяет!

Честно сказать, они здорово тогда поругались. Мила во что бы то ни стало хотела помочь брату упрочить его материальное положение. Сева, не будь дураком, смог найти нужный аргумент, чтобы избежать нелюбимого родственника.

– Хорошо, – в какой-то момент бесконечного спора сказал он. – Я найду ему место. С одним условием. Вот скажи мне честно – ты уверена, что он сможет у нас работать? Ведь это живой бизнес. Ответственность. Деньги – не только наши. Ты можешь за него поручиться?

И Мила отступилась. Она вдруг подумала, что совершенно не представляет, как Николай сможет освоиться в компании. Пару лет назад ему дали должность начальника отдела. Да, пост был во многом номинальный, и подчиненных всего три штуки. Но, слушая монологи Николая на тему «Как я изменю все теперь, когда я стал главным», можно было подумать, что он по меньшей мере замминистра. И ведь что самое ужасное – реально он ничего не изменил. Организаторские способности брата равнялись нулю, а умение ладить с людьми вообще можно оценивать скорее со знаком «минус». Честно сказать, Николаша характером обладал на редкость вздорным, обожал качать права и умудрялся разругаться везде – начиная с детской поликлиники и кончая химчисткой. Обдумав все это, Милочка вынуждена была признать – Сева прав. Она расстроилась и растерялась, не зная, как закончить спор и что теперь сказать Галине. Чтобы подсластить пилюлю, муж предложил оплатить мальчикам летний лагерь, и Милочка с благодарностью согласилась. Размолвка была забыта.

Так и остался Николаша работать в своем министерстве.

Глава 3

Милочка подумала о том, что скажет брат, когда узнает, что Сева ее бросил. Да уж, ничего хорошего не скажет. Поэтому звонить брату она не стала, а позвонила Наташке – лучшей подруге еще с институтских времен.

Второй вечер без Севы прошел во многом так же, как и первый. Только теперь Милочка пила мартини, а ее жалобы и слезы перемежались Наташкиными рассуждениями о том, какие же все-таки эти мужики сволочи. В какой-то момент, отвлекшись от страданий о тяжелой женской доле, подруга поинтересовалась: как бывшие супруги думают делить имущество? Милочка махнула рукой:

– Знаешь, что бы ты про него ни говорила, он не жмот – квартиру оставил мне... Да, так и сказал – квартира, конечно, твоя... И деньги принес, как обычно. Вон, в вазочке.

– Ну ты даешь, подруга! «В вазочке»... И много там?

Но Милочка отмахнулась от меркантильных Наташкиных мыслей. Она не хотела думать о деньгах – она оплакивала свою жизнь, лишившуюся смысла, то есть Севы.

Однако утром, проводив Наташку на работу, она заглянула в холодильник, прикинула, что надо купить, и направилась к той самой вазочке. Стараясь не двигать головой – ох уж эти страдания под мартини, – Мила привычно распределяла деньги: это на продукты, это на квартплату, это на ботинки мальчикам... Галя на прошлой неделе звонила и как бы вскользь упомянула, что в школу ребятам ходить решительно не в чем... Что-то денег больше чем обычно... И вдруг ее как громом поразило. А ведь в следующем месяце Сева не придет! И в вазочку ничего не положит! Милочка присела к столу, заново пересчитала зеленые купюры. Ей стало страшно – разве это большая сумма? Так, на расходы на месяц, ну на два. А дальше? Как, на что она будет жить? Обхватила руками ноющую голову. Вспомнились вчерашние слова Наташки о разделе имущества. Это, наверное, при разводе. И как же они его будут делить? Кажется, поровну, где-то она читала... Но ведь она столько лет не работала, жила на иждивении мужа, может, ей и не положено ничего? В вопросах семейного права Милочка была не сильна. Так, минуточку. Жена Николаши, Галя, работает помощником нотариуса. Милочка бросилась к телефону – дома никого... Что это она – все же на работе, дети в школе. Придется ждать до вечера.

А пока... Пока надо еще раз все обдумать. Она вновь вернулась к кучке денег, сиротливо лежавшей на столе. Пересчитала заново. А если развод и раздел дело долгое? А что у нас делается быстро-то? На что она будет жить? Тут Милочка вспомнила про свою заначку – кое-какие деньги она иногда откладывала – на подарки, на парикмахерскую, на мальчишек, – просто чтобы не просить каждый раз у Севы. Сложив все вместе, Милочка пересчитала деньги еще раз, – все равно сумма выглядела устрашающе ничтожной – меньше пяти тысяч долларов. Можно продать драгоценности – их немного, но все же... Милочка пересмотрела список покупок – придется экономить. Буду брать не то, что хочется, а то, без чего нельзя обойтись, решила она. И, гордая своей практичностью, отправилась в магазин.

Там настроение опять упало. В супермаркете – милом заведении с приветливым персоналом и заоблачными ценами – ее прекрасно знали.

– Людмила Николаевна, филе индейки привезли, будете брать? Или вам медальончики? – улыбалась полная продавщица из мясного отдела.

Милочка пробормотала нечто нечленораздельное и быстро прошла вперед. Но у овощного отдела ее радостно приветствовал молодой человек:

– Здравствуйте, вам сегодня фрукты или овощи? Рекомендую вот эти яблоки, и обязательно купите курагу – исключительно вкусная и ровная – одна к одной.

Мила растерялась. Она бросила взгляд на цены и вдруг с ужасом поняла, что все здесь безумно дорого... Кроме того, теперь ей не нужно столько продуктов – она ведь одна. Да и

в еде она неприхотлива: все эти деликатесы – белое мясо с курагой плюс веточка розмарина сверху – делались исключительно ради Севы. Сама она переваривает все, включая холодец Николашиной жены – брр... Так что теперь ей не нужно покупать изысканные продукты... Но почему-то Милочке не хотелось, чтобы все знали, что она брошенная жена, стесненная в средствах. Так она и стояла у овощного отдела, чувствуя, как волна стыда заливает щеки и слезы подступают к горлу. Мальчик выжидательно смотрел на нее, хлопая длинными темными ресницами. Слава богу, тут подошел другой покупатель, и Мила торопливо кивнула:

– Я подойду позже. Мне нужно... купить кое-что из косметики.

Она быстро пошла к кассе, оставила пустую тележку и стала пробираться мимо очереди. Перехватив удивленный взгляд кассирши, через силу улыбнулась:

– Кошелек забыла, представляете!

– Бывает, – посочувствовала та. – Заведите карточку – очень удобно...

– Да-да, спасибо...

И вот она, наконец, на улице. Несколько секунд Мила стояла, вдыхая прохладный, сырой воздух, потом медленно пошла прочь от супермаркета. Через пару домов находился гастроном, где она купила йогурты, хлеб, яблоки и пару пачек замороженных овощей. Пока хватит, да и таскать тяжело. И еще она купила пачку сигарет. Когда-то давно, в мединституте, она курила. А потом бросила: Сева терпеть не мог, если от нее пахло табаком. Милочка его понимала – это хуже, чем если твой партнер наелся чеснока. Но теперь... теперь она одна и сама себе хозяйка. Так почему бы не делать то, что хочется.

Дома Мила маялась. Она поела, пропылесосила ковры и села перед телевизором. Делать было решительно нечего. Опять навалились грустные мысли. Как обидно, как тоскливо. Ее муж, ее Сева, ушел к другой женщине. Потому что... что? Почему же, черт возьми, он ушел? Ему не хватало тепла, внимания и заботы? Нет, этого не может быть. Постельных радостей? Можно подумать, Мила хоть раз отказала мужу, когда у него было настроение. Тогда чего? Выдернув из пачки очередную салфетку и утерев слезы, Мила бросила печальный взгляд в сторону журнального столика. На темном полированном дереве, инкрустированном перламутром и полудрагоценными камнями, лежала стопка журналов. Мила вздохнула – даже не надо открывать гляцевую обложку, она и так прекрасно помнит: в одном из дамских журналов есть статья про кризис среднего возраста у мужчин. Мол, они, мужчины, в это время становятся ранимыми и неуверенными в себе, просто как кисейные барышни. Они ужасно комплексуют по поводу начавшихся перемен в своей внешности и нереализованности в бизнесе. И от этих мучений бросаются во все тяжкие, боясь, что скоро старость, а вспомнить-то нечего. И пытаются продлить молодость тем, что носят молодежные фасоны, играют в дурацкие игры типа пейнтбола и заводят отношения с молодыми девушками.

Должно быть, мужа догнал тот самый кризис среднего возраста, грустно сказала себе Милочка. Правда, всех вышеперечисленных симптомов у него практически не наблюдалось. А может, она что-то просмотрела. «Вот интересно, у меня тоже должен быть кризис среднего возраста, – подумала вдруг Мила. – И в чем это должно выражаться?» Она некоторое время обдумывала этот вопрос, но ответа так и не нашла. Ну и черт с ним. Раз нет у нее кризиса – то и не надо.

Вечером она вновь позвонила брату. Подошел младший из мальчиков – Слава:

– Здравствуй, тетя Мила! А я сегодня пятерку по русскому получил!

– Да ты у меня молодец! А мама дома?

– Да-а.

– Позови, пожалуйста.

– Сейчас. А ты когда в гости приедешь?

– Не знаю, зайчик, дел много... Но я постараюсь.

Вот и Галина, как всегда сама приветливость:

– Ой, Милочка, здравствуйте! Как вы поживаете?

– Ничего, спасибо.

– А я вчера только говорила Николаше – позвони сестре, узнай, как у них дела. А он, конечно, забыл. Эти мужики...

– Да-да... Галя, у меня к вам вопрос. Скажите, как при разводе делится имущество между мужем и женой?

В трубке стало тихо. Даже дыхания не слышно. Сообразив, о чем думает золовка, Милочка торопливо залепетала:

– Понимаете, я сегодня встретила подругу... Ну мы с ней вместе учились в меде...

– Наталью?

«Черт, тебе бы в КГБ работать!»

– Нет, вы ее не знаете, мы так давно не виделись... Она сейчас разводится и просто не знает, что делать... Хотя, может, вы с этим и не сталкивались?

– Ну почему же. – Милочка вздрогнула, услышав тягуче задумчивые нотки в голосе золовки. Ох, не поверила она в подругу. – Я вполне в курсе. Значит, так. Все совместно нажитое – поровну. Это если детей нет. У нее дети есть?

– Н-нет.

– Тогда все просто. Если поделить полюбовно, то и в суд можно не ходить. А если все-таки в суд, то по закону – все совместно нажитое делится между супругами поровну.

– Подождите... А если квартира записана на жену?

– Не важно. Если она была куплена за время проживания в браке... Ну конечно, если жена в суде сможет доказать, что покупала квартиру на свои кровные, и муж ни копейки не дал, и за все время жизни гвоздя там нигде не вбил. Тогда да, могут присудить ей... А вообще, в таких случаях – когда есть что делить – нанимают адвоката и без него не делают ни шага. У меня, между прочим, есть знакомый. Он как раз специализируется на бракоразводных делах. Он такой понимающий...

– Я передам, спасибо.

– Да не за что. Вы когда заедете? Мальчики скучают. Славик все время спрашивает, когда дядя Сева придет в шахматы играть.

– Правда? – Мила проглотила комок в горле. – Он сейчас столько работает, так устает... А я заеду, на неделе. Позвоню, хорошо? – И она торопливо распрощалась.

Некоторое время Милочка пребывала в задумчивости. Пополам. То есть она имеет право на половину акций, которыми владеет Сева. Что еще? Машина. Дачу они купить так и не собрались. Квартира. Вот и все имущество. Впрочем, у Севы есть счет в банке. Один в российском, и он не слишком большой, а второй в каком-то... что-то он говорил давно. Впрочем, какая разница? Ей не видать этих денег, как своих ушей. Сколько стоят акции, как их оценивают и сопоставима ли эта сумма с половиной квартиры? От непривычных и нерадостных мыслей у Милы разболелась голова. Проглотив аспирин, женщина устроилась на диванчике и незаметно для себя задремала. Разбудил ее звонок в дверь. Она посмотрела на часы – полдесятого. Кто бы это? На пороге стоял брат. Милочка удивленно хлопала глазами, пока Николаша преувеличенно бодро и весело вещал, что приехал на минуточку провести сестру, которая что-то их совсем забыла. Глаза его между тем внимательно осматривали квартиру. Милочка сообразила, что Николай был послан на разведку умной Галиной, которая, видимо, не поверила истории про подружку. Ей стало грустно, смешно и неловко за брата. А тот все говорил, говорил, как бы невзначай перемежая речь вопросами: Сева скоро придет? Что-то у тебя и ужином не пахнет?

– Николаша, перестань, – тихо попросила Милочка.

Брат замолчал. Так они и стояли некоторое время посреди гостиной, не произнося ни слова. Наконец Мила сказала:

– Он ушел. Квартиру оставил мне.

Брат словно только этого и ждал. Он вскинулся, как пионер при звуке горна, и из него буквально хлынул поток возмущенных восклицаний:

– Квартиру? Подумайте, как благородно! А на что ты будешь жить? Ты столько лет на него горбатилась... – Николай завелся. Он ходил по комнате, размахивал руками и придумывал различные способы «рассчитаться» с Севой. Мила тихо плакала и мечтала, чтобы он поскорее ушел.

Но брат не уходил. Наоборот – несчастье сестры словно придало ему сил. Он как-то выпрямился, голос зазвучал решительнее. Мила сидела на диване и смотрела, как он широкими шагами меряет комнату и говорит, говорит... досталось всем: и правительству, и частным предпринимателям – капиталистам поганым, – и конкретно Севе.

Хлопая от удивления глазами, Мила вдруг поняла, что брат действительно думает именно то, что говорит.

– Николаша, прекрати! Ты что? Послушать тебя, так ты просто Макашов, даже хуже...

Брат искоса взглянул на сестру, гордо вскинул голову, некоторое время крепился, но потом не выдержал, и тут она, к своему крайнему изумлению, узнала много чего интересного.

Оказалось, что Николаша – член коммунистической партии. «Я не предал и не продал, как многие», и по своим воззрениям примыкает к фракции активистов, которая не перестает надеяться на практические, реальные изменения в политическом строе. Вернуть власть и ответственность государству, чтобы не допустить дальнейшего обнищания масс. Народу будут обеспечены бесплатное образование и медицина, как раньше...

Как раньше...

– Николаша, что ты говоришь? Опомнись! Раньше ведь и половины того, что сейчас есть, не было. Кино, книги, вещи... Недешево, конечно, но зато...

– И не надо! Нам следует идти исконно русским путем, поднимать свое производство, крестьянство организовывать. Все эти западные штучки – зараза. У России свой путь, и нам не нужна ни кока-кола ихняя, ни демократия...

– Да при чем здесь кока-кола? А книги? Ты вспомни, как мы доставали книги... Очереди, макулатуру сдавали, отмечаться ходили. И если уж на то пошло, вещи тоже. Зато теперь...

– Зато теперь кое-кто ездит на «мерседесе», а кое-кто и на «жигули» собрать не может!

– Но у твоих детей есть перспективы...

– Нет у них никаких перспектив... Особенно если ты не сможешь слупить деньги со своего муженька!

В тот вечер брат наговорил много чего. Его озлобленность на власти не очень заботила Милу – государство наше толстокожее, и все Николаши, бушующие в кухнях или на митингах, не более чем комариные укусы... Поэтому за стабильность власти она не опасалась. Что касается выпадов брата в адрес ее и Севы... Милу задел по-настоящему только один момент: на очередную реплику «Как он мог! На что ты будешь жить?» она, уже порядком раздраженная, ответила:

– Работать пойду!

Николаша даже не снизошел до ответа. Только глянул – и Милу как обожгло. Как он посмотрел! Не просто презрительно, а с жалостью. Мол, кому ты нужна. Это было самое страшное. Действительно, кому она нужна? Может, и правда, ни на что не годна, даже на кусок хлеба заработать? Это был вопрос, на который требовался ответ. И от ответа во многом зависела ее жизнь. Дальнейшая. Ведь какая-то жизнь еще есть впереди?

Глава 4

На следующий день, добежав до киоска, Милочка накупила газет с объявлениями о работе. Обвела ручкой несколько объявлений «требуется бухгалтер» и принялась звонить. Через некоторое время она поняла, что это «просто смешно». Так выразился молодой голос, узнав, что она окончила бухгалтерские курсы, работала в ИЧП, а последние пять лет вообще сидела дома.

«Ладно, – решила Милочка, – черт с ней, с бухгалтерией, я ее никогда особо и не любила. Попробуем что попроще». Теперь она звонила туда, где требовались секретари. Эффект был тот же. Только первый вопрос был не «какой у вас опыт работы?», а «сколько вам лет?».

Подумав, Милочка внесла некоторые коррективы в свою биографию: убавила пару лет и ничего не стала говорить о счастливых годах, проведенных в роли домохозяйки. Кроме того, просмотрев объявления, она назначила себе довольно высокую скорость печатания. А по поводу знания компьютера нашла замечательную фразу – «владею достаточно, в пределах, необходимых для выполнения своих обязанностей».

На самом деле отношения с компьютером у нее складывались так себе. У Севы в кабинете сей аппарат имелся, и как-то, услышав в очередной раз беседу двух продвинутых дам на светской тусовке, которые щебетали об интерфейсах, скорости загрузки, сайтах и гигабайтах, Мила не выдержала и попросила Севу поучить ее. Мужа хватило на два раза по полчаса... Но ведь самое главное – узнать, где у этого загадочного устройства кнопка «пуск». Все остальное выясняется путем исканий и экспериментов. Чем Милочка и занималась не спеша, пока мужа не было дома. В результате она освоила несколько игр – преимущественно пасьянс и разные там шарики – и научилась выходить в Интернет. Иногда она бродила в Паутине, потом нашла сайт садоводов и с тех пор больше никуда и не лезла. Так что компьютером она пользоваться, несомненно, умеет. А чего не знает – так научиться можно всегда...

Потом она освоила такую замечательную функцию, как заказ продуктов на дом по Интернету. Это оказалось счастьем. Сева, само собой, ни по каким магазинам за продуктами ездить не желал, и Миле, чтобы не надрываться с картошкой и прочим, приходилось раз в две-три недели просить Толика. Толик – муж Надюши, которая помогала Миле по хозяйству. По большей части Мила обходилась сама, благо делать ей было особо нечего, но если подходило время мыть окна, протирать верх шкафов и вытяжку в кухне – приходилось звать подмогу. Надюшу сосватала Наталья, которая, приехав как-то раз к подруге и застав Милу на диване с таблеткой от давления за щекой, оглядела наполовину вымытые окна и заявила:

– Знаешь, мать, кончай дурью маяться. Сева твой, ясен пень, до окон не снизойдет. Из агентства какого работяг вызывать – страшно, обворуют еще. А знаешь, тут неподалеку живет наша медсестра. Она женщина тихая, скромная. Мужик у нее автослесарь. Рукастый такой дядька и с машинкой. Так что она тебе окна помоеет, а муж ее, когда надо, за продуктами сгоняет.

Так с тех пор и повелось. Деликатесы Мила закупала сама, но икры много не купишь, и таскать вкусоности – это вам не картошку с морковкой с рынка переть. В распоряжении Толика была ухоженная шестерка, на которой Мила и каталась то на рынок, то в супермаркет за Кольцевой. Но в какой-то момент Толик решил податься в дальнобойщики, и Мила растерялась: как же она теперь? Доставив к подъезду сумку с двумя литрами молока, двумя литрами кефира, яйцами, сыром и хлебом, Мила остановилась передохнуть. Она с тоской думала, что это лишь часть продуктов, необходимых на неделю. А крупа? А мясо? А фрукты? Из подъезда появилась соседка Нина Георгиевна – пожилая, но весьма ухоженная дама. Она с недоумением воззрилась на сумки у ног Милы, и та, отчего-то ощущая неловкость, робко посетовала на свои проблемы. Та фыркнула:

– Милочка, вот вам телефон, и этот... вэвэ-вэ... сейчас напишу. Надо один раз с паспортом появиться в офисе, а потом по телефону или Интернету по списку заказываете, что надо, – и привозят прямо на дом. Милые такие мальчики, чистенькие, в комбинезончиках. И просить никого не надо. А что делать? – Соседка вздохнула. – Это меня сын приучил. Мамочка, говорит, денег не жалея, ни в чем себе не отказывай, но каждую неделю ездить на рынок, терять день – не могу. И я мальчика, конечно, понимаю. – Нина Георгиевна опять вздохнула. – Ему и погулять надо... он работает и учится. Так что давайте, милая, садитесь за компьютер – и вперед.

Так Мила снова вышла в Интернет, и с тех пор проблема доставки незамысловатых, но тяжелых товаров была решена. Правда, с тех пор, как ушел Сева, она ничего не заказывала. А зачем? Аппетит у нее пропал надолго. Мила питалась йогуртами, иногда варила кашу. Если вдруг хотелось мяса – одной куриной ноги хватало дня на два, на три. Мила варила рис, отдельно тушила куриную ножку, потом резала мясо и добавляла в рис. Туда же отправлялся обжаренный лук и морковь. По желанию можно было бросить зеленый горошек или кукурузу, травку какую-нибудь или крабовые палочки. Рис получался разноцветный и вкусный.

Милочке удалось получить приглашения на два собеседования, и сначала она почувствовала прилив оптимизма. Но, подумав и полистав газеты, Мила вновь приуныла. Похоже, на рынке труда, особенно когда дело касалось секретарей, идут нарасхват «молодые, с европейской внешностью (отдает расизмом, правда?), владеют всем, чем можно, – и с опытом работы не менее трех – пяти лет», что как-то плохо сочетается с требуемым возрастом. Разве что секретарствовать надо начинать уже в старших классах. Кроме того, продолжая изучать прессу и обзванивая потенциальных работодателей, Милочка выявила еще один свой недостаток – незнание иностранных языков. Черт знает зачем мебельной фабрике, которая конкурентноспособна только в глубокой провинции, где других конкурентов просто нет, секретарь со знанием английского и французского, но они желают получить именно такого, в чем Милочка и убедилась, пообщавшись с теткой климактерического возраста и злобного вида, которая представлялась начальницей отдела кадров.

– Иностранными языками владеете? – спросила она, буравя Милочку пристальным взглядом.

– Нет.

– Почему? В институте плохо учились?

– Не то чтобы плохо... С языком в медицинском обстояло не очень, да и давно это было.

– Ясно. Боюсь, вы нам не подходите. Требуется специалист со знанием иностранного языка, – буркнула тетка.

Должно быть, такова нынче мода, философски рассудила Милочка, покидая негостеприимную проходную и испытывая огромное облегчение от мысли, что она не будет каждый день видеть вахтера в будке и забор с колючей проволокой наверху. Второе собеседование, как и следовало ожидать, тоже закончилось ничем. И несколько последующих тоже. И все же Милочка не теряла надежды: покупала газету, обзванивала потенциальных работодателей, ездила на собеседования.

Сразу выяснилось, что существуют виды деятельности, где люди нужны всегда, – расклейщики объявлений, распространители рекламы. Милочка приободрилась, решив, что с голоду она не умрет. Но на зарплату уборщицы было трудно прожить, не говоря уж о содержании трехкомнатной квартиры. Так что эти варианты она оставила на крайний случай. Также оказалось, что мало кто ищет сотрудников напрямую – большинство телефонов вели в кадровые агентства. Мила объехала несколько, оставив резюме (чертова бумажка, над ней пришлось немало попотеть. Очень трудно что-то приврать, когда требуется только официальная информация: дата рождения, где работала...). Как выяснилось, чуть ли не самый большой спрос в Москве на гувернанток и нянь. Девушки в агентствах с надеждой взирали на Милу – но та

качала головой. Ее опыт общения с детьми ограничивался племянниками и Наташкиными обормотами. Да, она могла покормить не очень маленького ребенка и сделать с ним уроки или погулять. Несколько раз сидела с ребятами, когда те болели. Но разве этого достаточно, чтобы быть няней? А может, стараясь держаться на расстоянии от цветов жизни, Мила инстинктивно не хотела беречь душу... Так или иначе, но на эту работу она не соглашалась, а другую обещали, «как только будет что-то подходящее».

В жизни Милочки произошли радикальные перемены. Она вспомнила, что такое метро в час пик и что творог, который, не моргнув глазом, отпускает плохо говорящая по-русски продавщица из ближайшего гастронома, может быть несвежим. И она вдруг поняла, что не стоит отдавать туфли консьержке, как обычно, а можно будет, пожалуй, сделать набойки и походить в них еще немного. Впрочем, консьержка, отличавшаяся наблюдательностью белорусского партизана и с полувзгляда определявшая рост или понижение благосостояния жильцов, ни о чем и не заикалась.

Милочка, преследуемая призраком голода и отсутствия туфель, посетила биржу труда. Место это ей категорически не понравилось. В кадровом агентстве в большинстве своем работали молодые или средних лет женщины, одетые и причесанные в соответствии с требованиями офисной моды: костюм или юбка, уложенные волосы и макияж. Держались они по-разному – кто-то приветливо, кто-то равнодушно, но в целом их заинтересованность результатом собеседования была видна. Здесь все оказалось иначе. Тетки среднего и старше среднего возраста, одетые в неизменные вязаные кофты и рыночные пиджачки многолетней выдержки, были непробиваемо равнодушны и брюзгливы. Тон разговора – как в незабвенном ЖЭКе или домоуправлении. Милочка, отвыкшая от бытового хамства, растерялась. Она никак не могла понять, что от нее требуется и почему дамы так враждебны. Не получив никаких стоящих предложений и выпав в коридор – обшарпанный и пахнущий супом, – Мила почувствовала, как поднимается давление. Нечасто, но такое случалось. Затылок наливался тупой ноющей болью, в висках стучали молоточки. Надо принять таблетку и лечь. Только вот таблетки дома. О господи! Она зашла в туалет, намочила платок холодной водой и положила на лоб. Женщина, вошедшая следом, взглянула с тревогой:

– Вам плохо?

– Ничего. – Мила жалко улыбнулась. – Давление поползло.

Женщина окинула Милу внимательным взглядом и покачала головой. Потом спросила осторожно:

– Вы здесь работаете?

– Нет, я хотела найти работу.

– Да? И как?

– Вот так... Как-то разговор меня не порадовал. Не пойму, в чем дело, но дамы упорно хотели отправить меня переучиваться на штукатура или маляра.

Женщина хихикнула, потом, увидев, что Мила достает сигареты, спросила:

– Можно?

Милочка протянула ей пачку.

– Вы, наверное, недавно ищите работу?

– Недавно, – осторожно подтвердила Мила.

– Позвольте дать вам совет. Вспомните, как в советское время вы ходили в ЖЭК, ДЭЗ и прочие интересные места. Что вы делали? Забыли? Ну как же: для начала покупали коробку конфет, вручали ее нужному человеку и уверяли тетку, что благодарность ваша не будет знать границ, если справка окажется сделанной вовремя. И к моменту получения документа покупали что-нибудь еще – чай, кофе.

– Точно, было такое. – Мила усмехнулась. – Вы хотите сказать, что я должна была пообещать отблагодарить за хорошее место?

– Конечно! И начать надо с трубки мира – конфет или того же чая. И вот еще что – в следующий раз оденьтесь попроще и не берите с собой сумку от Луи Вуиттона. Даже если это рыночная подделка, она стоит немалых денег.

Милочка бросила растерянный взгляд на свою изящную дамскую сумочку. Она покупала ее в фирменном магазине, и стоила та, честно сказать, не просто дорого, а очень дорого.

– Спасибо. – Она затушила сигарету под стружкой воды, сочившейся из неисправного крана, выбросила окурочек и повторила: – Спасибо за совет.

– Да не за что! – Женщина хорошенько затянулась и ловким щелчком отправила окурочек в открытое окно. – А лучше всего искать работу по знакомым.

Последние слова заставили Милочку задуматься. Она покинула негостеприимную биржу и отправилась домой. Торопиться было некуда, и Мила шла пешком. Погода радовала солнышком и ясным небом. Вскоре на пути попался симпатичный скверик. Лавочки, кустики и довольно аккуратные клумбы. Бесконечные петунии и прочая цветочная мелочь привлекали взгляд яркими красками. Детская площадка находилась на некотором отдалении, и опасность получить мячиком по голове была не выше среднестатистической, а потому, осторожно проинспектировав скамейку, Мила уселась и, жмурясь на солнышке, принялась перебирать своих друзей и знакомых.

Собственно, с друзьями было негусто. Возможно, в силу спокойного и ровного темперамента, но Милочка, умея поддерживать хорошие отношения практически с любым человеком, близких подружек почти не имела. Девочек в детском и подростковом возрасте сближают страсти и страдания. Они перешептываются, вместе ввязываются в авантюры, делятся секретами. Но Мила не любила рискованных предприятий, с удовольствием участвовала в тусовках, но завести компанию не могла – да никогда к этому и не стремилась. Вот так и вышло, что с институтских времен у нее осталась одна-единственная близкая подруга – Наталья. Жмурясь на солнышке, Мила обдумывала перспективы трудоустройства через Наташку. Честно сказать, перспективы не радовали. Все друзья и знакомые как самой Натальи, так и ее мужа принадлежали к миру медицины. А работать по специальности Мила не то чтобы не хотела, просто считала, что не имеет права. Слишком давно был получен диплом, практического опыта так и не случилось, и Мила понимала, что заниматься медициной она не сможет. Вообще-то она и поступила в мед по настоянию мамы. Та мечтала, что дочь будет врачом – уважаемым человеком, который получает кучу конфет к празднику и всегда точно знает, что делать в той или иной ситуации. Не вышло, ну да и бог с ним.

Мила достала из сумочки печенье и принялась жевать. Тут же слетелись голуби, пришлось делиться. Она крошила твердые квадратики и обдумывала следующую кандидатуру потенциального работодателя. Вторая близкая подруга звалась Вероникой, но все звали ее Верой, так уж почему-то повелось. Они с Милочкой дружили со школы. Даже были чем-то похожи – светловолосые пухленькие девочки, спокойные и без выдающихся способностей. Вера после школы поступила в педагогический, потом вышла замуж, потом развелась, по специальности отработала год и занималась торговлей. Виделись подружки нечасто, но по телефону общались по два-три раза в месяц, и Милочка была в курсе всех ее событий. И что дочка-подросток отбивается от рук, и что завелся, наконец, милый мужчик в жизни Веры. Моложе ее, но не это главное. Подает большие надежды как журналист и писатель, и вообще такой котик... Вера иной раз звала Милу в гости – на день рождения или под Новый год... Мила испуганно отдернула руку: какой-то нахальный голубь забил крыльями и поднялся в воздух почти вертикально – как суперсовременный самолет. Вытянув шею и вздымая пыль быстро бьющими крыльями, он пытался выхватить печенье из рук женщины. Мила бросила квадратик на землю – и голубь шумно обвалился следом. Итак, когда же они виделись в последний раз? Да, точно, зимой, под Новый год. Сева был занят, и ей пришлось вызывать такси и ехать одной.

Мила беспокойно заерзала на лавочке. Только сейчас она подумала, что, может, в тот Новый год Сева ездил вовсе не в командировку... Сам праздник, как всегда, встречали в офисе: торжественная часть, потом банкет и концерт приглашенных звезд эстрады. Положение процветающей фирмы обязывает, надо держать марку, и опять же – корпоративная культура. А вот буквально на следующий день Сева попросил собрать чемодан. Сказал, что руководители нескольких компаний летят в Таиланд, у них там своего рода выездной семинар. Милочка даже ни в чем не усомнилась. Почему бы и нет? И в Куршевель многие не развлекаться ездят. В неформальной обстановке порой легче наладить нужные отношения и обсудить щекотливые вопросы. Мила надавала мужу кучу лекарств – кто его знает, что там в жаркой Азии может приключиться. Сто раз повторила, чтобы воду пил только из бутылок – никаких местных чаев. После обеда пришла машина от фирмы, шофер поднялся, забрал вещи. Мила расцеловала мужа, и Сева улетел. А через день позвонил один из знакомых – крупный бизнесмен. Мила объяснила, что муж уехал по делам, на конференцию. Тот вроде как удивился, начал что-то мямлить «вы уверены?», но Милочка порекомендовала ему звонить на сотовый и повесила трубку. И еще подумала тогда, что сболтнула лишнее – вдруг человека специально обошли приглашением? Конкуренция – вещь суровая. Сева пару раз позвонил, она тоже несколько раз набирала его номер. Все разговоры были рутинны и абсолютно нормальны: «Ты как?» – «Ничего. Стараюсь острого не есть, беру что попроще. Если заботит, там в сумке... да-да». – «Жарко тебе, наверное?» – «В отеле кондиционер, а на улице конечно». Вот и весь разговор. Теперь-то Мила поняла, что в Таиланде Сева грел на солнышке ту, другую женщину.

Она всхлипнула. Потом постаралась взять себя в руки. Нельзя так реагировать. Если она начнет перебирать последний год, то найдет много таких нестыковок, и каждая из них причинит боль и вызовет слезы. Только есть ли в этом смысл? Милочка откинулась на спинку скамьи и, как в детстве, взглянула на солнце сквозь сомкнутые, мокрые от слез ресницы. В разные стороны брызнула радуга, заискрившись на капельках. Вот и все – нет обиды. И не надо. Она не хочет ненавидеть Севу. Пусть останутся хорошие воспоминания, то теплое и живое, что было меж ними когда-то. А то, что он обманывал... так на то он и мужчина. Инстинкт потянул к молодой, может, захотел детей. Бог с ним. Мила открыла глаза, слезы высохли.

Итак, этой зимой она ездила к Верочке одна. Гостей набралось неожиданно много, человек пятнадцать. Стол ломился от салатов и закусок, что немало удивило Милу. Верочка никогда не любила и не умела готовить. То есть у нее были два блюда, которыми она могла порадовать семью в праздник, – цыпленок табака и салат с крабами. Остальное либо не готовилось вовсе, либо приобретало странные формы и специфический вкус, строго в зависимости от настроения хозяйки. Но в тот день гости просто рассыпались в комплиментах. Вера, выглядевшая свежей и молодой, улыбалась и с гордостью посматривала на своего бойфренда. Константин – так именовался данный экземпляр – усиленно исполнял роль хозяина дома, снабжая гостей выпивкой и развлекая беседой на политические темы. Периодически он ненавязчиво вставлял фразы типа «Захожу я тут в Госдуму, и как вы думаете, кого встречаю?» или «Когда мы с руководством московской фракции ЛДПР...». Мила, из рассказов Верочки знавшая, что на самом деле молодой человек является мелким деятелем лимоновской партии и рядовым сотрудником какой-то политической газеты, улыбалась, снисходительно наблюдая, как молодой павлин распускает перья. Сначала Костя ей совершенно не понравился. Вера познакомилась с ним около года назад, и он как-то удивительно быстро занял место на ее диване. Милочка сочла молодого человека альфонсом. Но Верочка, уязвленная осторожными предостережениями подруги, рьяно защищала свое новое приобретение. Он такой талантливый! Он пишет книгу! Он войдет в ряды оппозиции, которая так необходима любому демократическому обществу для здорового развития! Пусть, решила Мила, глядя, как сияет подруга. Если Верочке нравится – почему бы и нет? По крайней мере, выглядит она прекрасно: похудела, посвежела. Вон сколько всего наготовила, не иначе дочка помогала.

– Кстати, а где Света? – поинтересовалась Мила, улучив минутку.

– К подруге ушла, – быстро ответила мать. – Нечего взрослым в рот смотреть, и так больно много самомнения.

Выпив пару бокалов вина, Милочка ощутила непреодолимое желание покурить. Вообще-то она уже этого удовольствия давно себе не позволяла – Сева не курил и пару раз заметно морщился, когда они целовались. Но вот поди ж ты, редко, но желание почувствовать вкус и запах табака возвращалось. Мила выбралась из-за стола и отправилась на лестничную клетку, куда Вера, как человек некурящий, отправляла всех желающих посмолить. На лестнице обнаружилась еще одна школьная подруга – Татьяна. Она опоздала к застолью и теперь стояла в расстегнутой шубе, зажав под мышкой пакет с подарком, и дымила, болтая с соседкой. Мила стрельнула сигаретку, и дамы принялись самозабвенно сплетничать. От соседки они узнали секрет изобильного стола:

– Сама готовила? Ха! Дочка? Да у этой мелкой прошмандовки такие ногти, что она даже хлеб порезать не сможет, не то что миску салата нарубить. Вон у нас магазин за углом, там прилавков с готовыми салатами. Верка пошла да с хозяйкой договорилась. Она всего нарезала-наговорила, да и горячее сделала. Хоть поедим по-человечески.

Мила покачала головой. Ай да Вера! Просто удивительно, что делает с человеком желание соответствовать. Даже елка у нее в этом году такая... стильная. Прозрачный пластиковый короб, в котором стояло деревце, был доверху засыпан яркими оранжевыми апельсинами. Мила даже потрогала их украдкой; апельсины оказались самыми что ни на есть настоящими. Сама же елочка была увешана бантами – золотыми с синей отделкой и синими с золотой каймой. Мила похвалила вкус хозяйки, но про себя вздохнула – ей нравилось, когда игрушки старые... ну не то чтобы старые, а скорее семейные. Эти грибочки – еще от бабушки. Это мамина любимая игрушка. А эти шарики мы в прошлом году купили. Однако такое случалось только в детстве. Мила с Севой елку никогда не ставили: детей нет, а сами вроде выросли уже. Милочка доставала из кладовки пару гирлянд и вешала над аркой в прихожей, ну еще покупала пару еловых веток, чтобы в доме пахло празднично. Ветки стояли в вазе на столе в гостиной, нити серебряного дождя искрились, и Мила не могла удержаться от детской улыбки. Она смущалась этой своей слабости, но если уж признаться честно-честно, то Новый год всегда ждала с трогательно-щемящим чувством радости. Елку она ездила наряжать к Наталье и Сергею. Те при-таскивали живое, пахучее и колючее дерево и, выгнав детей из комнаты, наряжали его, сопровождая процесс распитием шампанского. Наташка ругалась и каждый год грозилась купить искусственное деревце, потому как совесть замучила, потом ведь выбрасывать... да и иголки эти по всему дому валяются. Но Мила знала, что друзья пребывают в таком же детском восторге, как их малолетние отпрыски. Как-то, уже после Нового года, Наталья, с грустью глядя на изрядно осыпавшуюся елочку, вздохнула:

– Вот и кончился медовый месяц.

– Ты чего, Наташ? Медовый месяц у тебя был давно... А это Новый год.

– Ну да, да. – Подруга смущенно захихикала, а потом, оглянувшись на дверь, шепотом пояснила: – Мы с Серегой просто тащимся от елки. Ну как подростки! Не знаю, почему так происходит, но каждый Новый год у нас просто медовый месяц. И у елки, и под елкой. Вот на елке еще не пробовали.

Мила, вытаращив глаза, смотрела на подругу, которая задумчиво созерцала колючую верхушку, украшенную красным шпилем. Потом они долго хохотали, а Мила подарила подруге на ближайший день рождения очень сексуальное negligé, расшитое снежинками. В комплект входил бюстгальтер, трусики и полупрозрачная сорочка, отделанная белыми перьями, которая, при известной доли фантазии, могла сойти за наряд Снегурочки.

Мила смотрела на голубей, которые, отталкивая друг друга, боролись за крошки печенья, и думала: удобно ли просить Веру о помощи? Насколько она знала, бизнес у подруги шел

ровно. Богатой женщиной Верочка не стала, но на жизнь хватало. То есть имеется машина, квартира отремонтирована, в Турции отдыхают регулярно. Впрочем, последнее время подруга зачастила не в солнечные страны, а в Карловы Вары пить целебные воды. В Турцию, правда, наведываться все равно приходилось, так как бизнес Верочки зиждился на торговле, а откуда товар? Да все оттуда же! Сначала она арендовала место на рынке и возила постельное белье и тряпки, но потом, прикинув конкуренцию и поговорив с милым другом – по специальности архитектором, – сменила специализацию. Теперь у нее имелась пара магазинчиков на стройрынках, где продавали все для украшения интерьера: ткани, подушки, лампы необыкновенные, кувшины, бронзовые и медные дверные и мебельные ручки необычной формы, панно, безделушки, рамочки, шкатулочки и так далее и тому подобное. Милочка сама не раз наведывалась в пестрый закуток и с удовольствием перебирала милые дамскому сердцу вещишки, а потом обязательно что-нибудь покупала.

Пожалуй, Вера как работодатель выглядит гораздо более многообещающе, чем Наталья, сказала себе Милочка. Даже если у нее нет нужды в персонале, торговля – это такое разнообразное занятие, где что-нибудь да подвернется.

Решив не откладывать дело в долгий ящик, Мила решительно встала, стряхнула с юбки крошки от печенья и двинулась в сторону метро. По дороге достала мобильный и, дозвонившись до Веры, убедилась, что та на боевом посту, то есть в магазине. Подруга настроилась поболтать, но Милочка, помня о необходимости экономить, пообещала рассказать новости лично и отключилась.

«Стройдвор» расположился рядом с метро, оккупировав здание бывшего высокоточного производства. Впрочем, здание было таково, что, кроме «Стройдвора», там же обосновались пара ресторанчиков, магазин, торгующий мебелью, меховой салон, дисконтный центр известной спортивной фирмы, магазин садовой техники и масса всякого рода офисов и контор. Мила дождалась лифта, не спеша поднялась на третий этаж и пошла по бесконечному коридору, мимо множества магазинчиков встроенной мебели, ковров, штор, люстр, отделочных материалов и прочих ужасно нужных для обустройства быта вещей. Вот, наконец, и Верочкин магазин: пышные драпировки богатого пурпурного цвета, по ним стилизованные под арабскую вязь буквы «Пещера Али-Бабы». Внутри слегка пахнет чем-то сладковато-восточным. Мила подняла портьеру, тонко зазвенели маленькие колокольчики, гроздью свисавшие с притолоки. Хозяйка подняла голову:

– Милочка! Здравствуй!

– Здравствуй, Верочка.

Вера сурово сказала молодой девушке, сидевшей за прилавком:

– Смотри не зевай. Если что, звони на мобильный, поняла?

Та кивнула, отвела длинную челку с глаз, и Мила с удивлением узнала Верину дочь.

– Идем в кафе; посидим, поболтаем.

Хозяйка повела Милу в расположенное на этом же этаже кафе. Они нашли уютный столик, заказали кофе, и Мила с любопытством спросила:

– А разве Света не учится? – Потом спохватилась: – Какая я глупая – сейчас же каникулы.

– Каникулы, да, – протянула Вера, потом, не выдержав, принялась жаловаться: – Да нам что каникулы, что нет. Просто не знаю, что и делать, отбивается девка от рук. Ничего не хочет. Школу закончила абы как, в институт и не чесалась. Только погулять, да деньги, мама, на телефон положи, да купи это, купи то. Ну я и пригрозила – ни копейки не дам, если учиться не пойдешь. Вроде уговорила. Устроила в институт. Само собой, на платное отделение. Первую сессию кое-как сдала. Тройки, пересдачи. Ладно, думаю, втянуться надо, освоиться. Так что ты думаешь – она половину семестра прогуляла, потом справку какую-то липовую в учебную часть притащила, что болела. Не знаю, где и взяла. Мне инспектор звонит: так и так, у вашей

дочери задолженности. Конечно, раз девочка столько проболела, мы готовы войти в положение. А я ни слухом ни духом. Кто проболел? Как проболела? Представь, какой дурой я выглядела!

Мила сочувственно покачала головой. Подруга продолжала изливать душу:

– Да ладно дурой! Но мне обидно! Я плачу деньги за учебу, одеваю, обуваю, Светка мне поет: мама, а вот у нас все это носят... Мама, а вот у одной девочки такая сумка! А теперь выясняется, что она и не показывалась в институте! Ну, думаю, погоди. Раз так, кормить буду, а зарабатывать на тряпки изволь сама. Давай, говорю, работу найду. Так нет, мы же сами с усами. Вот, как ты думаешь, куда она устроилась?

Мила пожалала плечами. Она даже предположить боялась, хотя тема устройства на работу показалась ей как нельзя более кстати. Подруга перевела дыхание и, не дождавшись ответа, продолжала:

– В «Макдоналдс»! Нет, ты представь!

– Может, все не так страшно? – осторожно спросила Мила. – В конце концов, это место, где можно заработать... может, немного, но честно. И цену деньгам узнает.

Вера фыркнула:

– Тоже мне счастье – полы тереть и картошку разносить! Ну да не о том речь. Ее оттуда уволили!

– Да? За что?

– Друзей своих подкармливала. И ведь небедные все, а то я не знаю! Но халявный-то гамбургер – он всегда слаще!

Мила сочувственно кивала, слушая стенания подруги. Отчаявшись пристроить лентяйку, Вера посадила ее за прилавок. Продавщицы сейчас нет, а сама она мотается между двумя точками, да и за милым другом надо приглядывать. Так что Света сидит здесь.

– Толку, правда, с нее немного, – вздыхала Вера. – Людям товар-то надо лицом показать, да и покупатели у меня бывают... специфические, а эта ничего не понимает и не хочет. Только деньги с ней теряю.

– Знаешь, – решила наконец Мила рассказать и свои новости. – Раз уж речь зашла о работе. Может, у тебя есть что-нибудь на примете и для меня?

Вера удивленно хлопала глазами. Потом протянула:

– Не поняла.

Милочка вздохнула и кратенько изложила последние события... вернее, событие своей жизни.

– Вот так взял и ушел? А ты что?

– Ничего. А что я должна делать, по-твоему?

– Очнись, подруга! Я помню, как вы бизнес поднимали, ты не меньше его работала. Надо потребовать денег... или там, акции.

– Та работа, Вера, была очень давно. Видимо, Сева решил, что он мне ничего не должен. Квартиру оставил. А денег... Не думаю, что имеет смысл требовать. Впрочем, когда дело дойдет до развода, посмотрим, – торопливо добавила она, видя, что подруга готова ринуться в бой и начать вразумлять неразумную. – Но пока суть да дело, мне надо перебиться. Так что, если ты можешь помочь, я была бы очень благодарна.

Вера молчала. Она задумчиво крутила в руках кофейную чашечку и время от времени кидала на подругу быстрый взгляд. Мила терпеливо ждала. Наконец Верочка решила:

– Ладно, может, так и правда лучше. Давай попробуем. Мне действительно нужна помощница... но не здесь. Приезжай завтра вот по этому адресу, там у меня второй магазин. Тогда и поговорим. Часов в десять, хорошо?

– Да, конечно. Спасибо тебе большое!

– Пока не за что. Все завтра. А теперь я побежала, а то кабы Светка не проторговалась там.

Вера ушла, а Милочка допила остывший кофе, внимательно разглядывая визитку, которую оставила ей подруга. На пурпурном прямоугольничке золотой вязью значилось: «Салон «Сезам». Предметы интерьера и необычные подарки». Дальше шли адрес и телефон.

Окрыленная Милочка поспешила домой. «Ну вот все и устроилось, – радостно думала она. – Уж не может быть, чтобы я не справилась. Не глупее Светы. Работа продавщицы имеет свои минусы, но все же сидеть в милом магазинчике, среди красивых вещей – это неплохо».

Глава 5

На следующее утро она проснулась рано, довольно долго слонялась по квартире, в конце концов собралась и поехала. Метро утром – это нечто немыслимое, и, хоть торопиться Миле было совершенно некуда, она всю дорогу почти бежала, иначе поток людей сомнет. Отдавят ноги, оборвут ручки на сумочке. В результате приехала она на полчаса раньше и просто болталась у входа в очередной «Стройдвор», обходя многочисленные ларьки и делая вид, что ищет что-то очень нужное.

Но вот, наконец, без десяти десять. Уже можно идти. Мила нашла магазинчик, отделанный так же, как и первый: пурпурные занавеси, золотая вязь, слабый запах благовоний. Впрочем, даже ее неопытный глаз отметил, что площадь этого магазина явно больше. Милочка решила, что раз рынок находится дальше от центра, то арендная плата дешевле и подруга может позволить себе занять большие площади. Она вошла в разноцветный салон, звон колокольчиков прозвучал нежно и чуть печально. Из-за занавеси в дальнем углу выглянула Вера.

– Пришла, – без улыбки констатировала она. – Что ж, заходи, поговорим.

Мила устроилась на плетеном пуфике, а хозяйка села на стул за прилавком. Несколько секунд она молча смотрела на Милу, потом заговорила:

– У меня здесь раньше женщина одна работала... Восточная такая. Уж не знаю, какого роду-племени, да и не важно это. Торговала хорошо... но помимо торговли у нее были и другие клиенты. И должна тебе сказать, этот бизнес оказался прибыльнее безделушек. И мне очень хотелось бы его продолжить. К несчастью, продавщица моя ушла. Сказала: муж захотел вернуться на родину – и уволилась. А я вот никого найти на ее место не могу.

– Что-то я не поняла, – растерялась Мила. – Я думала, тебе продавец нужен. А что это за другой бизнес?

– Идем, покажу. – Вера встала и поманила гостью за собой.

Приподняв занавес, они прошли во вторую половину магазинчика. Здесь царил полумрак и запах благовоний ощущался гораздо сильнее. Мила в недоумении оглядывалась. Она полагала, что увидит нечто вроде склада, но комнатка оказалась почти пустой. Впрочем, одну стену занимал стеллаж, завешенный черной тканью. Стены скрывались за неизменными пурпурными драпировками. В углу стояла бронзовая, причудливой формы витая курильница. Посреди комнаты стоял низкий столик, покрытый куском плотной золотой ткани типа парчи, и перед ним – два пуфика. На столе какой-то предмет, накрытый узорным платком. Это надо же, Мила удивленно оглядывалась. Просто как будто и нет рынка за портьерами. Очень легко представить себе, что там, за стеной, гудит восточный базар, и белые стены домов, словно выгоревшие на солнце, и минареты, с которых кричат тоскливыми голосами муэдзины.

– Вот это и есть тот самый прибыльный бизнес. – Резкий голос Веры заставил ее вздрогнуть. Хозяйка шагнула к столу и подняла платок. Под ним оказался большой стеклянный шар, мутно-молочный и даже на вид очень тяжелый. Вера выжидательно смотрела на гостью, но Мила лишь пожала плечами, она никак не могла взять в толк, что здесь происходит. Верочка вздохнула и пояснила: – Роза занималась предсказаниями... О, ничего точного и определенного. Я не раз слушала, как она работает, и хочу тебе сразу сказать, что никаких прогнозов типа «Вам нужно срочно копать в правом углу огорода, там зарыт сундук золота» или «Послезавтра в спортклубе вы встретите своего суженого» она не делала. Роза всем говорила, что она – эмпат. Это, видишь ли, человек, который может воспринимать эмоции и чувства другого человека. И, объясняя клиенту его ощущения, мы помогаем ему лучше понять себя и принять верное решение, ибо люди склонны заниматься самообманом. Вот смотри.

Вера села за низкий столик, положила руку на шар и внимательно взглянула на Милу.

– Ты так разочарована и растеряна, что мне тебя жаль, – сказала она глубоким голосом. – Дело в том, что ты потеряла смысл жизни, а это неправильно. Смысл жизни – не в отдельно взятом мужчине и не в деньгах, которые придется зарабатывать. Смысл – в самой жизни, это ведь так просто...

Мила, приоткрыв рот, смотрела на подругу. Вот это да! Кто бы мог подумать... Между тем Вера сняла руку с шара, встала и уже обычным тоном продолжала:

– Это своего рода психотерапия. Ты не представляешь, как женщины обрывают мне телефон, требуя вернуть им Розу. Знакомые и знакомые знакомых идут и звонят. Одна Роза знала, что в этой жизни хорошо, что плохо. Она давала женщинам возможность почувствовать себя понятыми, понимаешь? Выслушивала, говорила банальности про то, что жизнь мчится мимо и не надо гнаться за всем. Нужно подумать, что именно важно и дорого. Вы подавлены – а кто придет к гадалке, если счастлив? Вас гнетет кто-то из окружающих. Вы знаете, кто это, просто не хотите себе признаться, видимо, этот человек много значит для вас. Может, это ваш начальник или свекровь? Подумайте, чей день рождения вы забываете чаще всего? После разговора с этим человеком у вас болит голова... Не спешите, так сразу трудно вспомнить, но позвольте своему подсознанию подать вам знак. И вот женщина идет домой и прислушивается и присматривается, и, само собой, она находит этого человека. Что дурного, если она станет избегать того, кто ей не нравится? Или научится окружать себя воображаемой стеной – прочной и непроницаемой. Если хочешь знать, я считаю, что это своего рода благородная миссия – приносить людям душевный комфорт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.